

ДЕТСКИЙ ДОМ. ЛЁКА...

Татьяна КУДРЯВЦЕВА

В детском доме было хорошо. Во-первых, там давали есть. Во-вторых, там у каждого была мама Кира из самого старшего 7-го класса. Мама Кира помогала делать уроки и даже мыла Лёку в бане. А когда кто-то из детей заболел, сама Мария Константиновна, директор, подходила вечером и гладила по голове.

Еще у детского дома были грядки, на которых росла еда! Репка, лук, морковинки, а главное — огурцы. В начале лета все вместе сажали. Лёка все бегала и смотрела, не появились ли огурчики из желтеньких, как бабочки, цветов. Мама Кира сказала, они из цветов будут. Лёка никогда не видела огурцов, просто не успела: сначала она маленькая была, а потом война началась. В блокаду не было еды никакой, даже воды. Последний кипяток вместе с горбушкой мама отдала Лёке и умерла. А от папы писем не приходило совсем, ни одного письма, мама сначала сильно плакала, а потом вдруг перестала, только смотрела в никуда и отдавала Лёке свой хлеб. Лёка тогда несмысленная была, не понимала, что нельзя мамин хлеб есть, она ела. Есть хотелось каждую минуту. Но потом, когда город сковали большие холода, у Лёки уже не осталось сил — есть.

Тогда мама ходила за снегом, растопила его на керосинке и Лёке в рот влила. Лёка согрелась и уснула. А проснулась уже в детском доме. Ей сказали, что мамы больше нет. Но Лёка не поверила, она долго еще не верила, вставала на окно на коленки и смотрела на улицу, вдруг мама придет. Но улица была пустая и страшная, безглазая. Без людей, без машин, без военных даже, без никого. Без мамы... А мама у Лёки была самая красивая во дворе. Может, и не только во дворе. У нее платья переливались и шуршали. До войны у нее было много нарядных платьев, блестящих, как золотинка, а в войну остались лишь ватники. А главное, голос. У мамы был особенный голос, певучий, как рояль. В детском доме тоже есть рояль, на нем Мария Константиновна играет. Но она не поет. А мама пела. Она пела и смеялась. У нее на щеках тогда прорезывались ямочки, у Лёки тоже одна ямочка есть, в маму. А папа был очень высокий, в черной шинели, шинель сильно кололась. В детском доме ей сказали, раз шинель черная, значит, папа твой — моряк. Лёка знает,

моряки плавают на кораблях, некоторые корабли очень большие, далеко уплыть могут, даже туда, где войны нет. У папы были большие руки. Он Лёку кружил и приговаривал: «Лёка-Лёка, два прискока, третий зайка, убегай-ка!» Зайка, потому что Лёка беленькая. Когда в детский дом приходили — усыновлять, Лёку часто выбирали. Беленьких, видно, больше любят. А может, из-за банта. У Лёки голубой бант на голове, из бабушкиного шарфа. Лёку так и принесли в детский дом, с бантом, Мария Константиновна рассказывала. Кроме этого банта, у Лёки ничего больше не осталось. Но она не согласилась — в дети. Спряталась под кровать, и Мария Константиновна ее не отдала. Лёка не хотела других папу и маму, она своих помнит. А вдруг папа вернется, а Лёка у чужих живет, он же тогда не найдет ее!

А потом зима прошла, и в город вернулось солнышко. Как оно землю пригрело, так сразу Мария Константиновна им семена дала. Некоторые семечки сами взошли, а огурцы — из рассады. Лёка все думала: огурец — какой? Круглый или длинный? Она как просыпалась утром, так скорей — на огород! Нянечка Шура говорит, Лёка — жаворонок, птичка такая, которая раньше всех голосит. И вот Лёка прибегает, смотрит, а огурец высунулся из листьев, зеленый, как маленький карандаш. Лёка сразу вспомнила, какой он на вкус, она, оказывается, просто забыла! Он на вкус — хрустящий, летом пахнет. Лёка не понимает, как это случилось, что огурец вот только что был на грядке, и вдруг раз — у нее во рту. И — нет огурца! Это было очень стыдно, а может, даже и воровство, огурец-то общий! Лёка стала красная от ужаса.

На линейке Мария Константиновна спросила строго: «Куда девался огурец?» Никто ничего не сообразил, огурец-то одна Лёка видела, а Лёка поняла и опустила голову.

Мария Константиновна к ней подошла, и все смотрели на Лёку и молчали. И тут мама Кира говорит:

— Мария Константиновна, это я сорвала огурец для Лёки, потому что у нее день рождения.

— Я так и поняла, — произнесла Мария Константиновна. — Но все-таки лучше было спросить.

И ничего больше говорить не стала. И никто не стал, хотя старшие все знали, что Лёкин день рождения — не известен. Лёка попала в детский дом без документов, в мамином ватнике и с бантом, а бумаг при ней не было.

У Лёки слезинка выкатилась из глаза и остановилась на щеке, от стыда. Она решила, что, когда вырастет взрослая, обязательно отдаст Кире огурец, а Марии Константиновне целую корзинку огурцов!.. Случай этот в прошлом году приключился, но Лёке кажется, что вчера. Стыд хуже дыма, от него в душе щиплет.

Напротив детского дома был дом слепых — там жили дети, у кого война съела зрение. Так нянечка Шура говорила. На этих детей было очень страшно смотреть. Лёка старалась гулять в другой стороне, у забора, где стоял маленький деревянный особняк. Лёка забиралась на крылечко и играла в дом, как будто он опять у нее есть, и все живы: и папа, и мама, и бабушка, и кот Зайка. Лёка говорила: «Трик-трак». И делала вид, что поворачивает ключ в замке.

Однажды она играла и грызла сухарь. Вернее, половинку сухарика, что от полдника осталась. Хоть блокаду уже и сняли, но Лёка теперь никогда ничего не съедала сразу, оставляла на черный день. Хоть крошечку. И вдруг в заборе Лёка увидела чье-то лицо. Совершенно взрослое, даже старое,

потому что небритое. Этот кто-то глаз не сводил с ее сухаря. Лёка точно поняла, что именно с сухаря. Сначала она спрятала сухарь за спину. Потом и сама повернулась к забору спиной. Но даже спиной Лёка чувствовала этот взгляд. Она поняла, что там кто-то голодный. Лёка вздохнула, но все-таки подошла к забору, отломала половинку половинки и протянула...

А Колька Безымянный, из старшей группы, подглядел. Безымянный — это была его фамилия, потому что он ничего не помнил, был старше Лёки, а даже фамилии не помнил. От голода, наверное. У Кольки внутри не осталось памяти, а осталась только ненависть.

— Что ты делаешь? — закричал Колька. — Это же вражина, фашист! Немец пленный, чтоб он сдох! Немцы у нас всех убили, а ты ему сухарь! Забери назад!

Лёка заплакала. Но назад забрать она не могла. Не потому что боялась, а — не могла. И объяснить Кольке тоже ничего не умела. В свои восемь лет Лёка хорошо знала, кто такие фашисты. Но ведь и у фашистов животы есть, а живот есть просит.

Колька так кричал, что прибежала мама Кира из 7-го класса. Мама Кира прижала к себе Лёку и увела.

А вечером Мария Константиновна собрала всех и велела:

— К забору ходить не нужно. Гуляйте в другой стороне.

Лицо у неё было грустное-грустное. Лёка подумала, что сторон для гулянья совсем уже не осталось. А потом нечаянно услышала, как Мария Константиновна сказала нянечке Шуре:

— Откуда у нее только сила взялась на жалость?

И Лёка поняла, что Мария Константиновна на нее не сердится. И что жалеть — не стыдно. А это было самое главное.

С тех пор тайком они прокрадывались к забору и кормили пленных немцев. У них была такая банка от «Лендлизовской» тушенки, они в банку сливали суп, кто сколько мог, и кормили.

Немцы эти были очень тихие, все время бормотали что-то про танки и шины. Лёка спросила у Киры, что это значит: «Танки-шины?»

Мама Кира сказала, что по-немецки это «спасибо». «Данке шеен».

А к лету уже и Колька стал с ними ходить. Девочки ничего ему не говорили, и он девочкам — тоже ничего. Да и что тут скажешь!

Немец, тот, которому Лёка первому полсухаря дала, вырезал для Лёки маленькую куколку. Из губной гармошки. Лёка не знала, можно ли взять у фашиста. Но он протягивал и улыбался. И Лёка опять подумала: «Хоть и фашист, а живой ведь. Не взять, все равно что ударить».

И взяла.

А в начале лета их детский дом номер двадцать пять сажал на Песочной набережной деревья. Лёка могла схватить самый крепкий, самый красивый саженец, ведь она первая стояла, потому что ростом была меньше всех и выбирала первой. Но Лёка выбрала самое тонкое кривое деревце, на которое никто даже не смотрел. «Пусть оно тоже будет расти через много лет», — подумала Лёка. Все лето и осень она приходила к своему саженцу и поливала его из склянки.

К первой годовщине Победы дерево зазеленело. А им в детском доме выдали новые пальто. Правда, Лёке оно было великовато, пальто пришлось подрезать прямо на ней, но подумаешь, мелочи! В тот день все казалось счастьем...

ПОСЛЕ ТОЧКИ

Девочка, которую в детском доме все называли Лёкой, став взрослой — Ольгой Ивановной Громовой, — выбрала себе профессию врача.

У этого доктора был счастливый дар: она не только прекрасно оперировала, но и умела выхаживать больных. Ольга Ивановна обладала способностью — жалеть так, что это было ничуть не обидно. Многие люди до сих пор говорят ей спасибо. Я — тоже.

Однажды Ольга Ивановна привела меня в Вяземский садик. На то самое место, где детский дом № 25 сажал деревья почти полвека назад. В старую аллею на Песочной набережной, рядом с Малой Невкой.

Липы эти разрослись, стали красивыми и тенистыми. Где-то там, среди них, и ее липка, которая была когда-то маленьким кривым прутиком...

Ольги Ивановны нет теперь на свете. Но в День Победы я всегда поминаю ее, светлая ей память...

